

Фирер Н.Д.

доцент Лесосибирского пединститута
филиала Сибирского федерального университета,

Лаврентьева Е.А.

студентка ЛПИФСФУ

КУЛЬТУРА СИБИРСКОГО КАЗАЧЕСТВА В XVII ВЕКЕ

Возникший как небольшой острог с правами уездного центра, Енисейск очень быстро стал базой для проникновения русских в Восточную Сибирь, сохраняя эту роль до начала XVIII века. Из военно-административного центра Енисейск во второй половине XVII века превратился в важный торгово-промышленный центр Сибири, получив при этом статус города. Достаточно сказать, что по численности посада Енисейск уступал только «столице» Сибири Тобольску.

Особенностью Восточной Сибири XVII века было то, что в качестве основателей всех городов и острогов выступали служилые люди.

Первым населенным пунктом, построенным служилыми людьми на Среднем Енисее, был Енисейский острог. Причем, как свидетельствуют источники, большинство служилых первые годы назывались стрельцами.

По данным Енисейского энциклопедического словаря, казаки – основная категория служилых людей в Сибири конца XVI – XVIII веков.

Сибирские служилые люди представляли собой универсальную категорию населения, обладающую очень широкими возможностями, которые активно использовала воеводская администрация. Как вооруженная сила Русского государства енисейские казаки совершали походы в «новые земли», приводя их население «под высокую государеву руку» и собирая с него «государев ясак». В случае сопротивления сибирских «инородцев» казаки совершали карательные походы для «замирения» восставших.

Казаки обладали универсальными навыками ведения боя. Как говорится в приведенном выше документе, они умело действовали зимой на нартах и лыжах, летом – на судах, используя, в зависимости от обстоятельств, весла и шест. Они хорошо владели и луком, и «огненным боем», и холодным оружием. Успешно действовали при наступлении, с использованием разведки, в обороне.

По данным Енисейского энциклопедического словаря, в первой четверти XIX века центральная власть стала соглашаться с мнением всех сибирских губерний, что казаков следует обязательно сохранить. По казачьей реформе 1823 года сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского в новоучрежденной Енисейской губернии оставили 600 казаков. Их объединили в общий Енисейский казачий полк, ликвидировав прежние казачьи войска по уездам. Ряды Енисейского казачества пополняли только за счет естественного прироста. Казачья молодежь обучалась в

особом училище, открытом при А.П. Степанове [1, с.245].

Казачество считается изначально мужским сообществом с присущими ему мужскими чертами и особенностями. Сибирский гарнизон в подавляющем большинстве состоял из холостых казаков. Да и семейные служилые люди из-за опасной, полной тревог жизни долго не привозили из родных мест свои семьи.

Л. Безъязыков свидетельствует, что в составе семей, которые служилые люди привозили с Руси, были их сестры, дочери, племянницы и свояченицы, со временем становившиеся женами. У конных казаков было больше возможностей обзавестись семьями. Ездившие по «государевым делам» на Русь часто возвращались оттуда с женами.

Правительство в XVII веке для восполнения недостатка в женщинах специально отправляло в ссылку «винных женок и девок», оседавших в административных центрах Тобольске и Енисейске, где воеводы своей властью «сдавали их замуж». Но в Красноярске такие факты документами не зафиксированы [2, с. 119].

Взаимоотношения, права и обязанности членов семьи определялись традициями. Традиции – элементы социального опыта и культуры, передающиеся от поколения к поколению по устойчивым образцам. В качестве традиций выступают определенные способы хозяйствования, нормы поведения, обычаи, обряды.

О женщинах-казачках Енисейского уезда в музейных материалах отмечается, что большая часть юридических прав в станичном обществе принадлежала не казаку, а казачке. Она наследовала имущество и полностью верховодила в доме. Казак, приезжавший со службы, чувствовал себя скорее гостем, чем хозяином, и в домашние подробности не вникал, считая это унижением своего воинского и мужского достоинства. Считалось, что дети принадлежат отцу, хотя полной властью даже над взрослыми сыновьями обладала именно мать. Ее называли «сама». Она была окружена в станичном обществе постоянным вниманием. Женщина-мать, женщина-вдова получала от станичного общества материальную поддержку и была социально защищена еще в те далекие годы и столетия, когда ни в одной развитой европейской стране об этом и не думали.

В казачке с детства воспитывали сознание того, что она будет главой дома и на ней будет держаться не только хозяйство, но и станичная мораль и обычаи. Потому и звалась она гордой казачкой, что велик был груз ответственности за свое казачье общество, лежавший на ее плечах, но носимый ею с большим достоинством.

Весьма примечательной страницей в обществе казаков издревле является воспитание детей и всего казачьего общества в целом. Традиции воспитания уходят своими корнями в глубокую древность, некоторые элементы дошли до начала прошлого века, и только обвальные репрессии в период советской власти не позволили им сохраниться до наших дней.

Когда мальчику исполнялся год, его усаживали на женской половине дома на кошму, и крестная мать срезала первые прядки его волос, которые потом на протяжении всей его жизни хранились за именной иконой. По свидетельству А. Шайдта, этот обряд описан в древнерусских летописях как «великокняжеский» и

сохранился у казаков до настоящего времени [3, с.7].

Затем мальчика передавали в мужскую половину, несли к церкви, где его ждал неоседланный конь. Здесь мальчика сажали на коня на расстеленный шелковый платок (в который потом заворачивали первые волосы) и гадали, как он будет себя вести, по малейшим приметам стараясь угадать судьбу будущего воина, защитника матери, семьи и Отечества. Если схватится за гриву – будет жив. Заплачет, повалится с коня – быть убитым. «Коня обводили вокруг церкви. Потом отец брал его на руки, а крестный отец надевал на них обоих португеею так, чтобы издали казалось: идет по улице казак при шашке. В родном курене у ворот казаков встречали женщины. «Казака принимайте! Да за ним доглядайте! Чтоб был не квельый, до всякой работы скорый, чтоб Богу молился да сабле учился! Чтоб малых не забижал, старших уважал, а к родителям был почтительнай...!» Крестная мать снимала с отца и сына шашку со словами: «Возьми, крестный, шашку, нашему казаку еще расти нужно. Сохраняй ее до срока». И крестный хранил оружие до 17 лет, когда молодого казака приписывали к какому-либо полку. Именно крестный отец обучал мальчика и юношу всем церковным обычаям и видам военного искусства, ловкости, выносливости, мужеству и терпению, поскольку считалось, что родной отец может быть либо чрезвычайно строгим, суровым, либо мягким, а именно крестный, духовный отец будет и строгим, и справедливым в меру.

В трех-четырёхлетнем возрасте казачонок надевал штаны, а это были непременно шаровары, их дарил старший в роду, и шароварами мальчик-казак очень гордился.

В возрасте трех-пяти лет, как правило, казачонка приучали к верховой езде. Стрелять же обучали с семи лет, рубить шашкой – с десяти. Рукопашному бою обучали уже с трех лет, передавая хранившиеся в каждом роду особые приемы.

Мальчика воспитывали гораздо строже, чем девочку. Уже с пяти лет мальчишки трудились с родителями в поле. Они погоняли волов, быков и коней на пахоте, пасли овец, коров и другой скот. Несмотря на это, оставалось время и для игры. Все следили за воспитанием мальчиков: и крестный, и атаман, и старейшие, т.е. воспитывали всем обществом, чтоб мальчонку «не заездили», чтоб играть позволяли, и главное, чтобы все игры были наполнены либо работой, либо обучением сноровке и смекалке в области военного искусства.

Когда мальчику исполнялось семь лет, то ритуал подстрижки выполнялся второй раз. Бритоголовым он впервые шел с мужчинами в баню, а затем к первой исповеди. Дома после праздничного обеда он в последний раз ел детские сласти, собирал постель и переходил из детской в комнату братьев, которые придирчиво осматривали его одежду и выбрасывали все, что считали излишне теплым или мягким. С этого времени казачонка могли наказывать только мужчины, а если отец умер или погиб, только мать, которая имела особые, большие и ответственные права в семье.

Женщины не имели права вмешиваться в воспитание мальчика и подростка. Когда же старшие уезжали из дома, он оставался за хозяина.

В возрасте десяти лет мальчик полностью понимал всю ответственность и

серьезность своей задачи быть опорой дома и семьи. С самого детства осознавал себя частицей станичного общества и обязательно присутствовал в казачьих войсковых кругах. Ему шили за счет атаманской казны праздничную одежду. Но на кругу он не имел права голоса, лишь слушал и запоминал.

Среди всех занятий, упражнений и тренировок основным делом была учеба. Поэтому особым уважением пользовались школяры (школьники). Ими гордились в семьях. А те, кому посчастливилось учиться в кадетском казачьем корпусе или в гимназии, были известны поименно всем жителям станицы или хутора. Их приглашал в правление и поздравлял с каникулами атаман. Студентов и юнкеров даже старики звали по имени-отчеству.

Вместе с учебой каждый казачонок ежегодно учился работать, перенимая мастерство от старших. С семи лет он должен был справляться с лошадьми и волами, уметь запрячь их и поставить в конюшню. Боронить землю и сгребать сено на лошадях было исключительно мальчишеским делом.

Воспитание девочек отличалось от воспитания мальчиков. В девочке старались развить женственность, трудолюбие, терпение и отзывчивость. Волновались и молились о ее счастье и благополучии.

Если в мальчике воспитывали такое качество, как стремление быть первым, быть постоянно в обществе, соревноваться, то девочке внушалось, что самое главное – спокойная душа и чистое сердце, а счастье – крепкая семья и честно заработанный достаток. Следует отметить, что жизнь казачки была полна тревог, а трудов и страданий в ней было не меньше, а то и больше, чем в жизни казака.

С очень раннего возраста девочку приучали к работе. Она принимала участие во всех работах по дому: стирала, мыла пол, чинила одежду. С пяти лет девочку учили вышивать, шить, вязать на спицах и крючком. Большое внимание уделялось такой работе, как присмотр за малышами. К братьям девочки относились с большим уважением. Определенное время отводилось потехам, веселью: девочки пели песни, плясали. Но росла девочка с главной мыслью, что она будущая мать, хозяйка.

Социальный статус женщины-казачки как интегративный показатель ее положения во всех сферах жизнедеятельности – хозяйка, мать, супруга. Согласно общепринятому социальному статусу женщина в обществе почти априорно была обречена на вторые роли. Иначе было у казаков. Модель отношений между полами у енисейского казачества основана не на господстве-подчинении, заданных традициями и возведенных в ранг естественного закона, а на отношениях личностной взаимодополнительности между казаком-мужчиной и женщиной-казачкой в обществе и семье. В этой модели отношений, которую мы назовем партнерской, казаки и казачки, вступающие во взаимодействие, предстают как полноценные субъекты.

Духовная культура народа очень устойчива, меняется она медленно. Жизнь отцов и дедов, их нравы и обычаи долгое время воспринимались как непререкаемый образец для подражания.

Бесчестьем считалось покушение на чужую собственность. «Вор ворует не для прибыли, а для своей погибели», - говорили в Сибири. Честность и уважение к

собственности – вот черты, присущие сибирскому казачеству.

Представления о системе позитивных адаптирующих ценностей сохранялись и возобновлялись прежде всего в патриархальной семье. Здесь происходила передача ценностных стереотипов-значений семьи и семейных отношений в картине мира жителей Приенисейского края. В центре ментальной ценностной иерархии субъектов рода и семьи стоял собирательный образ «предков» («стариков»). Это выражалось в уважительном отношении к старшим, в «угожденье» им, в авторитете «суда стариков». В сознании пожилых казаков главенствовали чувства собственного достоинства и осознание значения своей возрастной группы.

Образ жизни сибирских казаков сформировался в процессе приспособления к суровым природно-климатическим и ландшафтным условиям, этнокультурному окружению местных народов. Новые правила жизни, нормы социальных отношений, обряды, праздники становились традицией: с каждым десятилетием образ жизни сибиряков более и более отличался от великорусского. В каждом новом поколении воспроизводились адаптированная культура и система ценностей мира казаков. Процесс социализации проходил под руководством пожилых людей – носителей знаний, традиций и опыта предков.

Исследование культуры казачества Сибири имеет не только культурологическое значение, оно является важнейшим моментом формирования человеческой личности, воспитания чувства сопричастности и уважения к сибирской культуре. Такое изучение представляет собой основное звено в деле сохранения и развития традиций народной культуры в современном обществе.

Литература

1. Енисейский энциклопедический словарь. – Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия». 1998.
2. Безъязыков Л. Красноярск изначальный. – Красноярское книжное издательство. 1978.
3. Шайдт А. История казачества. Воспитательный процесс // Вовремя. – 2002. № 2. С. 7-9.